

Религиозный фактор во внутренней и внешней политике России

Виктор Артюшкин

Роль религиозного фактора в мировой политике не только давно признана, но анализируется и учитывается при разработке внешнеполитических доктрин и проведении конкретных политических акций*. При этом многие исследователи считают, что успехи и неудачи политических акций определяются не только правильностью или ошибочностью примененной логики действий, но и соблюдением морально-нравственных принципов. «Политика, в основе которой лежит попытка получить преимущество, используя или, наоборот, игнорируя религиозный фактор, приводит к тому, что выигрывая в одном, вы неизбежно проигрываете в другом»¹. Такое видение означает, что учет религиозного фактора необходимо делать всегда, поскольку он не только своей реальной, но и духовной ипостасью, может влиять на механизмы политического действия.

Принято выделять несколько основных причин (форм) взаимовлияния политики и религии².

Первая является следствием того, что религия является одним из видов идеологической системы и уже поэтому даже своим присутствием в обществе является включенной в его политическую жизнь.

Вторая определяется человеческим фактором, то есть порождена интересами и действиями духовенства, когда достаточно просто и убедительно ради высокой цели обосновывается необходимость учета религиозно-нравственных норм в том

АРТЮШКИН Виктор Федорович – старший научный сотрудник Центра глобальных проблем Института международных исследований МГИМО. E-mail: ururur@mgimo.ru

Ключевые слова: религиозный фактор, мировая политика, субъекты сил влияния, межрелигиозное взаимодействие, равноправие религий, общий моральный кодекс, религиозный аспект в деятельности ООН.

* Например, бывший госсекретарь США Мадлен Олбрайт в своей последней книге через описание поступков политиков и простых граждан подчеркивает тесную связь религии и политики¹.

или ином социальном действии или политическом решении. Таким образом, клерикальные круги могут продуцировать свое присутствие в политической жизни.

Третья отражает корыстные намерения политиков использовать религию в своей политической борьбе.

Четвертая появляется там и тогда, когда верующие вынуждены обращаться к религии, чтобы укрепиться духом в проявлении своего протеста и жестком оформлении своих интересов, чаяний и надежд.

Членение на формы взаимодействия политики и религии помогает унифицировать получение и классификацию «образов» взаимовлияния.

В научных работах, посвященных истории мировой политики, всегда можно отыскать примеры событий, позволяющие выстроить их в ряд по степени влияния религиозного фактора. Такой ряд – от полного отсутствия религиозной компоненты до полной тождественности религиозного и политического – свидетельствует о наличии ситуационной зависимости и указывает на необходимость выявления при анализе происходящих процессов их значимых индивидуальных особенностей.

Проведем анализ только нескольких точек взаимодействия религии и политики. Выбор определяется их важностью, а она может устанавливаться по-разному: по декларациям государственных институтов, программным документам правящих политических партий, по высказываниям политических руководителей и т.п. В данной статье темы выбирались по критерию общей важности для развития всего мирового сообщества. Они связаны с проблематикой диалога цивилизаций, глобализации и урегулированием международных конфликтов.

Диалог цивилизаций

Дискуссия, начатая после распада СССР Ф.Фукуямой и С.Хантингтоном, о новых движущих факторах исторического развития вызвала повышенное внимание политиков к вопросам взаимодействия цивилизаций. Однако научной, а не политической разработке проблемы мешает неоднозначность используемых терминов, включая даже краеугольный – «цивилизация». При этом для практической политики вопросы строгого описания понятия цивилизации или определения их числа существенного значения не имеют. В подавляющем количестве исследований, в которых цивилизационный фактор привлекается в качестве объяснительной категории событий мировой политики, преобладает рассмотрение столкновений с участием небольшой группы цивилизаций (западной, исламской, православной, китайской)³. Абстрагирование от теоретической полно-

ты в угоду узкому кругу реально интересных противоборств с ярко выраженными различиями в мировоззренческих базисах свидетельствует о необходимости учета особой роли религиозной составляющей в объяснении цивилизационных взаимодействий.

Практикующиеся ныне формы политической пропаганды добрососедства и сотрудничества, направленные на развитие дружественных отношений от городов побратимов до международных форумов, достаточно аморфны, но тем и хороши, поскольку позволяют охватить и многие направления сотрудничества, и широкие слои населения. Однако такая расфокусированность должна дополняться целенаправленным развитием контактов между группами населения, обладающими наибольшим потенциалом противостояния и способных порождать социальные и политические угрозы.

Люди с однотипным образом мыслей, однотипным образом действий и однотипным образом жизни стараются испытать свое единение, собравшись вместе. Оказавшись рядом, они «заряжают» друг друга, создавая потенциал коллективной социальной энергии. Эта энергия способна трансформироваться в любые действия, включая и негативные, независимо от того, группа ли это болельщиков, тинэйджеров, пенсионеров или верующих. Ослабление хотя бы одной из трех компонент единения способно существенно снизить интеграционный эффект коллектива. Поэтому религиозные контакты, например, в виде паломничества не отвечают задаче снижения потенциала межконфессиональной напряженности. Они способствуют укреплению международных внутриконфессиональных связей, что сразу повышает для паломников статус исповедуемой религии и позволяет уверенней себя чувствовать в отстаивании интересов своих церквей на национальном уровне. В итоге международные внутриконфессиональные связи добавляют еще одну – международную компоненту единения, усиливая у верующих ощущение своей исключительности. Религиозные же контакты сподвижников различных религий, хотя реализуются гораздо сложнее, но зато работают в направлении ослабления межконфессионального противостояния.

Одним из доступных и наиболее дружественных способов взаимодействия, демонстрации притяжения иной религии является участие в религиозных праздниках друг друга, которое необходимо расширять и пропагандировать. Очень важным в этом является не только благословение высших церковных иерархов на такие деяния, но и их пример кропотливого созидания межцерковной жизнеорганизации.

Насколько мощным пропагандистским инструментом может быть широкий и постоянный диалог почитаемых руководителей церковью видно на примере деятельности покойного патриарха Алексия II. Именно его вклад в развитие диалога религий был признан одним из наиболее значимых личных достижений служения Алексия II и отозвался участием в его похоронах многих иерархов других церквей, подчеркнув тем самым мировую значимость личности усопшего.

Увязывание успешности межрелигиозного диалога с деятельностью церковных иерархов частично решает вопрос определения субъектов у сил влияния и действия в межцивилизационном диалоге. Если такое служение происходит, то ситуация с неопределенными субъектами влияния в многоаспектном и размытом межцивилизационном взаимодействии становится совсем иной – ситуацией с персонифицированными полномочными субъектами.

Для сознания религиозного человека, основанного на вере, пример почитаемого иерарха является весьма значимым и побудительным мотивом для пересмотра своей позиции и поведения. Ведь человек идет в церковь, чтобы по наставлениям проповедника изменить себя и свою жизнь. Но на такое следование мы можем рассчитывать только в случае существования большого авторитета религиозного лидера, который не возникает автоматически у любого священнослужителя по мере его восхождения по церковной иерархической лестнице. Здесь и находится область необходимого участия государства. Заботясь о ответственности межрелигиозного диалога, оно должно способствовать становлению и укреплению авторитета религиозных лидеров.

О том, что такие задачи хорошо решаются с помощью современных СМИ, свидетельствует, например, информационная компания по освещению похорон патриарха.

Государственная религиозная политика

Реализация эффективного межрелигиозного общения на международном уровне не может быть достигнута без успехов в организации такого же взаимодействия на национальном уровне. И здесь решение уже отмеченной задачи государства – содействовать упрочению авторитета религиозных лидеров – является и более сложной и более необходимой. Действительно диалога можно ожидать, если все стороны представлены реально признанными религиозными авторитетами. Но этот авторитет могут иметь только те, кто отстаивает для своих церквей равные права и возможности с другими церквями. Если равенства церквей нет, то через любое взаимодействие лидеров будут пробиваться элементы его отсутствующие, подчеркивая тем самым существующую несправедливость и стимулируя процесс разобщения их паств.

Россия во всех сферах жизни многое заимствовала у Золотой Орды. И одним из самых важных опытов было уважительное отношение ко всем религиям. По закону монголо-татар полагалось бояться и уважать всех богов, чьи бы они ни были. Этот принцип веротерпимости соблюдался и в рамках ислама, который приняла Золотая Орда. России, унаследовавшей этот принцип, удавалось интегрировать в состав империи многие народы и земли, не допуская перетекания религиозных конфликтов в религиозные войны.

Президент России Д.А.Медведев в своей инаугурационной речи выразил надежду

на то, что «мир и согласие в нашем общем доме будут и дальше укрепляться сотрудничеством разных конфессий, социальных групп и национальных культур»⁴.

Однако принцип веротерпимости, к сожалению, не трансформировался в принцип равноправности религий в новой России*. Введение равенства для узкого круга избранных только по одному из множества критериев – исторической традиции – не заменяет их неравенства по другим, например, по численности и концентрации паств, оставая тем самым лазейку для последующего ранжирования и раздачи прерогатив уже в кругу избранных. Члены четверки, решившие возможным и справедливым применение принципа принижения других религий, утратили моральное право протестовать против возможного его применения по отношению к себе.

Введение статуса традиционных религий в известной степени явилось умалением роли и значения остальных. Если на прошлом историческом этапе это могло оправдываться необходимостью после советского периода восстановления церковной паствы и жизни на основе исторических традиций с расчетом на ответную помощь церкви в выполнении морально-нравственного вакуума и консолидации общества, то сегодня после укрепления выделенных четырех религий, особенно православия, освоившего даже новые формы: храмы-поезда и храмы-пароходы, это в

* Немалую роль в этом сыграла Православная церковь. Проведение ею политики давления на принятие решений государственными органами виден на следующем примере. В своем послании от 8 июля 1996 г. в Государственную Думу митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл, ссылаясь на «пожелания десятков миллионов верующих» предложил *исключить* из проекта федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР “О свободе вероисповеданий”», принятого Государственной Думой в первом чтении, следующее положение: “Установление каких-либо преимуществ или ограничений для одной или нескольких религиозных организаций не допускается”⁵.

значительной степени носит характер субъективного выбора властью правильных для народа религий.

В настоящее время наибольшей консолидации общества можно достичь только на широком конфессиональном поле. В ситуации узаконенного неравенства продолжение политики укрепления позиций, прежде всего, православной церкви усиливает потенциал конфликтности, повышает агрессивность по отношению к инакомыслящим и представляет серьезную потенциальную угрозу для социальной стабильности общества.

Свое исключительное положение РПЦ зачастую обосновывает небывалым всплеском религиозности народа.

По данным социологических исследований, в современном российском обществе существует значительный проправославный консенсус: «очень хорошее» или просто «хорошее» отношение к православию выражали 82% населения (1999 г.) и 94% (2000 г.), однако, храм посещали (не реже одного раза в месяц) от 2 до 7% населения⁶.

Цифры, столь стремительно приближающиеся к 100%, сразу вызывают ассоциацию с всенародной поддержкой политики коммунистической партии времен СССР.

Такие цифры, конечно, вызывают необходимость объективного объяснения.

«Значительная часть россиян, вероятно, воспринимает православие не столько как религию в собственном смысле слова, сколько как символ русского своеобразия и некой духовной ценности этого своеобразия, как что-то, что может быть с гордостью противопоставлено другим и ценность чего эти другие тоже в какой-то мере признают»⁶.

Если рисовать более широкую статистическую картину через данные разнооб-

разных опросов, то она будет выглядеть не столь однозначной, а скорее весьма противоречивой*.

«Анализ содержания понятия “верующий” позволил социологам сделать вывод о весьма поверхностном «религиозном возрождении».

Так, по общепринятому в социологии религии измерению религиозности – посещению церкви раз в месяц (6–7%) – Россия занимает одно из последних мест в мире»⁸.

Если говорить о возможных вариантах свободы верующего в рамках церкви, то можно обозначить две крайние позиции. Первая предполагает заботу церкви о морали и нравственности, но предоставляет человеку, вооруженному религиозной моралью, свободу действий. Верующему доверяют, доверяют его совести, определяющей решение общих и частных проблем.

Вторая концентрирует верующего на практические действия под управлением церкви в попытке изменить ту или иную общественную ситуацию. Необходимость совершения деяния мотивируется святостью или чистотой помыслов, формируются причинно-следственные связи между действиями церкви и последующим успехом.

Какую позицию занять в конкретной ситуации прихожан наставляющий священнослужитель решает сам. Он может выбрать роль духовно-нравственного советчика, а может духовно-нравственного руководителя. Во втором случае, по сути, начинают решаться политические задачи, и священнослужитель становится участником политических процессов.

Наиболее мощно позиция деятельной жизни церкви представлена в

* По данным фонда «Общественное мнение» (апрель 2008 г.), только 59% граждан называют себя православными, а по данным ВЦИОМ, в том же 2008 г. – 73%⁷.

РПЦ. Православные братства, сестричества и мирянские движения, каждое, выбрав свое направление, в совокупности охватывают большой круг социальных проблем, а грань между духовным и политическим характером в их деятельности может легко преодолеваться.

РПЦ, вопреки положению конституции о светскости государства, настойчиво проводит политику по деструктуризации общества.

Это проявляется в многолетних попытках ввести в школьную программу в каком-либо виде «Основы православной культуры», в организации в армии института армейских капелланов, в противопоставлении общепринятым правам человека православной концепции прав человека.

Увеличение паствы – одна из форм религиозного служения, а притязания на позицию духовно-нравственного судьи и учителя логично приводят церковь к вмешательству во все сферы общественной жизни. Добиваясь влияния в обществе, она тем самым уже обозначает себя субъектом политики. Пределов в расширении своего влияния ни церкви, ни религиозные организации для себя не устанавливают*.

Переход со стороны высших государственных лиц от форм демонстрации почитания церкви к формам де-

монстрации *преклонения* перед церковью в мировой практике традиционно считается нежелательным и даже социально опасным явлением, подрывающим светский характер современного государства. Пропась между борьбой за свободу вероисповедания и насаждением религии и ее морально-нравственных воззрений под предлогом спасения государства, легко преодолевается по мосту благосклонности власть придержащих.

Примером тому служит стремление, в частности, Православной церкви быть представленной в государственных институтах и участвовать в определении вопросов внутренней и внешней политики.

Призывы РПЦ к «защите духовных рубежей нашего Отечества» еще раз подчеркивают выбор в пользу жесткого противостояния основополагающим ценностям западной цивилизации.

«Современная международно-правовая система основывается на приоритете интересов земной жизни человека и человеческих сообществ перед религиозными ценностями. Уважая мировоззренческий выбор нерелигиозных людей и их право влиять на общественные процессы, церковь в то же время не может положительно воспринимать такое устройство миропорядка, при котором в центр всего ставится помраченная грехом человеческая личность»⁹.

Трансформации религиозности

В каком же состоянии находится религиозность на Западе сейчас, к какому результату привело следование религиозному плюрализму, провозглашенному в 60-х годах?

В те годы «в Италии только 37% опрошенных считали, что «существует одна ис-

тинная религия», в 1994 г. во Франции это признавали 16% французов, а в настоящее время – 6%. В большей степени эта тенденция характерна для молодежи: в 1998 г. только 4% англичан, французов и немцев от 18 до 29 лет считали, что «истина принадлежит одной религии». Это показатель серьезной мутации религиозного чувства»¹⁰.

* Так, идея панисламизма «мусульманского порядка», появившегося в XIX в., приняла экстремальную форму у «Братьев-мусульман». Их целью провозглашено создание всемирного исламского государства и освобождение от неверных территорий, где распространен ислам.

Вне зависимости от массовости и многовековой истории расцвет традиционных религий находится в прошлом*. Полноценный ренессанс ни одной из них невозможен. Необходимость жить в согласии с меняющимся миром диктуют им путь проведения реформ. Процессы необходимого обновления религиозных идей, с одной стороны, помогают приспособиться к современности, а с другой – способствуют созданию атмосферы перемен, свободы, рождающей новые мировоззрения.

Следование принципу свободы совести в условиях глобализации логично привело от плюрализма христианских и исламских традиций к конкуренции на свободном религиозном рынке с восточными религиями, с языческими и оккультными учениями. Сокращается число традиционных верующих, однако растет число верующих в сверхъестественное. При такой толерантности религиозных идей и «размытости по ним» верующих уже нельзя говорить о действии объединительной функции основных религий, на которую так надеются многие российские политики.

Генератором столь стремительных изменений была информационная революция и переход к информационному обществу. Каждый ищущий истину может сейчас легко удовлетворить свои потребности в «интеллектуальных товарах». Каждый может подобрать учение, подходящее ему, совершая процесс «субъективизации истины». При этом в

массовом увлечении оккультизмом выражается поиск новой религиозности.

Это не просто создание синтетической мировой религии на основе уже существующих, то есть ренессанс экуменизма – идеи объединения церквей, сформулированной еще в 1897 г. на конференции 194 англиканских епископов в Ламбете. Это поиск именно принципиально новой религии. Глобализация столь радикально меняет мир, что новое должно рождаться не только в сфере науки, экономики, капиталов, финансов, политики, но и в мировоззрении.

Наиболее динамично и созвучно времени это проявляется в становлении движения «Новая Эра», в основе которого лежит идея всеединства. Одним из объяснений успеха этого движения является соответствие его принципов разворачивающимся глобальным процессам, а именно глобальное мышление и плюралистический универсализм. Существование почти полноценной системы взглядов и толкований мира позволяют считать ее одной из современных систем мировоззрения.

Переход России в информационное общество в условиях глобализации для РПЦ будет неминуемо переходом в свободную конкуренцию не столько с другими религиями, сколько с мировоззрениями, учениями и движениями, сходными с «Новой Эрой».

Главное отличие старых религий (в основном христианского толка) от новых мировоззрений, сходных с «Новой Эрой», в том, что нельзя преодолеть никакими модернизациями – это ори-

* По данным французского института общественного мнения, католики составляют 64% населения, однако только 4,5% из них каждое воскресенье ходят в церковь. «Посещаемость» месс во Франции – самая низкая из всех католических стран.

Во Франции растет число людей «без религии». В 1987 г. они составляли 21% населения, а сейчас 28% (NEWSru.com 30 дек. 2009 г.).

Число американцев, относящих себя к нерелигиозным, с 1990 по 2008 г. увеличилось с 8 до 15% (с 14 млн. до 34 млн.). (Обобщающий доклад «Обзор американской религиозной принадлежности» // *Freethought today*. December 2009. V.26, #10, section 2, p. 8).

ентация на любовь к ближнему в ущерб любви к себе. Для «Новой Эры» характерна иная позиция, утверждающая, что любовь к другому невозможна без любви к себе. Именно с этого человек должен начинать. Только поднявшись до любви к себе человек может бескорыстно любить другого.

Самым мощным, но потому и самым опасным принципом на этом пути является приоритет личной свободы. Опасность заключена в поверхностном понимании свободы и соответствующих такому пониманию поступков, а сила определяется возможностью пробуждения скрытых способностей каждого человека и обращение их на благо всего общества.

На пути перехода к информационному обществу Россия неминуемо пройдет через трансформации религиозности, что будет опасно противостоять позиции и действиям РПЦ в борьбе с «духовной агрессией».

Остановить процесс перехода к информационному обществу РПЦ не может. Поэтому она стала активно участвовать в нем, полагая, что с его помощью сможет влиять на развитие процесса.

«Информационные и компьютерные технологии дают возможность практически каждому, кто их применяет, осуществлять глубокую и относительно произвольную перестройку и индивидуального, и массового сознания»¹⁰.

Не видно никаких оснований полагать, что РПЦ в информационном обществе сможет сохранить свои сегодняшние привилегированные позиции. А это значит, что их искусственное расширение или закрепление грозит усилением конфликтности в обществе и наиболее опасно противостоянием с молодым поколением.

Свою борьбу за народ РПЦ уже давно проиграла. Непонятно, почему

она решила, что новое время перемен с кризисом коммунистического мировоззрения означает ренессанс православного мировоззрения. Идеологическое безвременье – это не время переноса корчеванием «славного» в прошлом в настоящее, это поиск спасающих путей в будущее с учетом современной интеграции помогающего и мешающего развитию общества. Модернизация сколь бы хороша она не была всего лишь временно отодвигает достижение конструктивного предела пути, преодоление которого опять предстоит искать.

Россия может выступать в мировой политике как страна многоконфессиональная, успешно решавшая и решающая вопросы мирного сосуществования всех религий на своей территории. Этот статус весьма важен в сегодняшнем мире, в котором нарастает потенциал религиозных конфликтов и террористических угроз. Поэтому представление России как страны православной не только надуманно, социально опасно, но и политически недальновидно.

Чем дальше мы зайдем в сторону почитания какой-либо одной религии, тем болезненней будем выходить оттуда, а это неизбежно, поскольку уже многократно доказано историей, что ни одна из существующих религий не имеет рецепта эффективного решения всего комплекса морально-нравственных проблем, стоящих перед обществом.

Религиозный фактор необходимо нивелировать, уравнивая все конфессии в правах. Выделение привилегированной группы, а в ней наиболее значимой РПЦ, способствует усилению роли религиозного фактора в жизни страны и отражается на имидже России.

Для представления себя как образцового многоконфессионального государства необходимо обеспечить реаль-

ное равноправие всех конфессий в нашей стране. Если проводить государственную политику с расчетом на помощь религий в духовном обновлении и консолидации общества, то необходима серьезная работа по созданию равных прав для всех конфессий. Решению этой задачи может помочь повышение статуса государственных учреждений, отвечающих за работу с религиозными организациями.

Еще одним инструментом по переходу к действительному равноправию религий была бы отмена дискриминационных положений законов, регулирующих деятельность религий, но сейчас эту меру без конфликта с православной церковью провести нельзя, сначала надо сформировать соответствующее доминирующее мнение в об-

ществе. А оно может быть ускоренно сформировано через создание свободной конкуренции мировоззрений.

Исключение религиозного фактора возможно только через широкую религиозную консолидацию. Достижение этого во внутренней политике позволит полноценно следовать тому же принципу и во внешней политике. Позволит превратить Россию в страну, способную решать проблемы широкого многоконфессионального равноправного диалога и на этом основании претендующую на заметную роль в решении любых международных конфликтов с религиозной составляющей. В страну, обоснованно предлагающую морально-нравственные принципы для новой формирующейся системы международных отношений в глобализирующемся мире.

Глобализация

С развитием науки и техники значение религии в жизни общества неуклонно уменьшалось, а с развитием философии она почти утратила и свою мировоззренческую функцию. Однако значение религиозной морали почти не изменилось. Она по-прежнему участвует в определении социальных морально-нравственных норм.

В 90-х годах прошлого века, когда глобализация только набирала обороты, существовало убеждение, что этот процесс благодаря своим особенностям является саморегулирующимся и не нуждается в каком-либо внешнем управлении. Последний же мировой финансовый кризис показал, что ни один рыночный механизм, включая и мировой рынок в эпоху глобализации, не должен функционировать без контрольно-регулирующих институтов. Рыночный механизм безжалостен по своей сути, его процессы необходимо корректировать под социальные задачи на глобальном уровне так же, как это делается на наци-

ональных уровнях. Причем, так как правовое регулирование принципиально отстает от появления новых форм финансово-экономических антиобщественных деяний, значение морально-нравственных качеств у представителей политических, экономических, финансовых элит не ослабевает. Необходимость присутствия морально-нравственного измерения в процессах глобализации подчеркивается высшими иерархами многих церквей.

Например, в католической социальной доктрине провозглашен приоритет морально-этического подхода ко всем проблемам. С этих же позиций Ватикан рассматривает и глобализацию. Она может служить человеку или прибыли, и поэтому быть или благом, или злом.

На сегодняшнем этапе глобализация предстает, прежде всего, процессом создания глобального финансового рынка и следующим из этого абсолютным приоритетом экономики. Для своего функционирования структурам, с ним связанным, не требуется следование этическим нормам. В этом Вати-

кан* и видит одну из причин нынешнего кризиса, сходную позицию занимает и РПЦ.

В условиях отсутствия общей идеологии рассчитывать на простое решение задачи выработки общего «морального кодекса» для глобализирующегося мира не приходится. Значимую помощь в такой работе могут оказать религии. При этом ни одна из религий не может определять ход этого процесса, но этого от них и не требуется. Ценность представляет порождаемый религиями в обществе поиск нравственных ориентиров, под воздействием которых в будущем будут формироваться внешняя и внутренняя политика государств.

Президент России Д.А.Медведев в своих выступлениях, посвященных финансовому кризису, высказывался о необходимости в международных экономических отношениях следовать принципу справедливости. Однако, отсутствие не только общего понимания справедливости, но даже всеобщего понимания добра и зла существенно затрудняет задачу спецификации справедливых действий. Ситуация все-таки не является типичной. В соответствии с особенностью языка, по которой, в силу своей естественности, понятие справедливости, а точнее ощущение ее соблюдения или нарушения в конкретных случаях, хорошо поддается интуитивной идентификации.

Использование морального аспекта в аргументации причин кризиса разделяется не всеми. Некоторые эксперты считают, что в порождении кризиса виновата не замкнутость финансово-экономической цепочки, а неполнота системы коммерческих интересов, то есть отсутствие фирм, делающих бизнес на плохих кредитах. Значит, дело не в том, что сво-

бодный рынок не имеет ограничителей от безудержной наживы, а в том, что он, как оказалось, не был всеобъемлющим.

Продолжая работу по введению в новую систему международных отношений глобализирующегося мира морально-нравственных критериев-категорий, можно обратиться к давней идее взаимозависимости в мире.

«Так, признание мировыми религиями идеи взаимозависимости мира, его универсальности и единства, основанного на сотворении его Всевышним, предопределяет внимание, которое уделяется различным религиозными направлениями глобальным проблемам»¹².

Идея взаимозависимости является более универсальной, чем принцип соблюдения справедливости, понимаемый весьма несхожим образом или даже отвергаемый полностью.

Ярким примером являются огромные бонусы у топменеджеров обанкротившихся банков в разгар мирового финансового кризиса. Такое стяжательство не было названо несправедливым. Его пожурили всего лишь как нескромное поведение.

Включение справедливости в принципы глобального взаимодействия экономик может найти гораздо меньшее число сторонников, чем принцип, выражающий взаимозависимость и всеединство. Он присутствует и в религиозных доктринах, и в оккультных учениях, и в новых религиозных движениях.

Многозначность какого-либо морально-нравственного термина или тезиса не является преградой введения его в общий «моральный кодекс», который и не может быть написан языком детально выверенных морально-нравственных определений.

* В своем ежегодном обращении по случаю Всемирного дня мира 1 января папа Римский Бенедикт XVI заклеил глобальную финансовую систему как эгоцентричную и близорукую, которая мало заботится об общественном благе и призвал глобализирующийся мир к «общему моральному кодексу», что как-то поможет сократить пропасть между бедными и богатыми¹¹.

Предлагается для отражения взаимозависимости ввести эту норму в общий моральный кодекс в следующей формулировке – «*мы за все в ответе*».

Этот постулат достаточно емко и глубоко, имеет мощный морально-нравственный, интуитивно понимаемый контекст, и, следовательно, может выполнять роль общего морального принципа. Он призывает к взаимопомощи и консолидации в действиях по улучшению мира. Он благодаря широте своего понимания побуждает, в частности, и к соблюдению справедливости.

Современный мир позволяет квалифицированному, талантливому, но безнравственному мошеннику всегда найти путь обхода запретов для достижения личного обогащения любой ценой. Единственной защитой от этого может быть только нравственная прививка в

виде моральных установок, формирующих понимание смысла жизни, ответственности перед всеми, перед миром. И неважно, верующий он или нет. Главное, чтобы возникло это чувство ответственности, выросшее через ответственность перед родными, страной, человечеством до ответственности перед природой или богом. Предлагаемая формулировка интегрирует в себе все сказанное и даже гораздо больше и обладает потенциальностью быть принятой и атеистами и верующими.

Этот морально-нравственный принцип может широко использоваться для информационно-пропагандистских целей. Он позволит России остаться в числе активных участников важной риторики по необходимости осознания морально-нравственного измерения для процессов глобализации.

Урегулирование конфликтов с религиозной составляющей

Очень выгодным положением для участия, а значит и влияния в мировой политике, обладает католицизм. Имея свое государство – Ватикан, католицизм непосредственно участвует в межгосударственных отношениях. Но и другие наиболее массовые религии давно имеют возможность выносить свою позицию на международный политический уровень. Многие из них создали международные организационные структуры, у некоторых даже многовековой опыт деятельности.

У католицизма, кроме Ватикана, есть Комиссия епископатов Европейских сообществ, Совет епископских конференций Европы и др.

У мусульман – Организация Исламская конференция и др.

У буддистов – Всемирный буддистский альянс, Азиатская буддистская конференция за мир, Всемирный совет буддистской сангхи и др.

Существуют совместные международные организации – Всемирный совет церквей (около 300 протестантских и православных), Конференция европейских церквей (123 церкви и 25 ассоциированных организаций, представляющих православную, англиканскую и протестантскую традиции).

Некоторые религии участвуют в политической жизни через свои партийные структуры, которые к тому же осуществляют координацию своей деятельности*.

* Христианско-демократические партии, ориентированные на католицизм и протестантизм, координируются Европейским демократическим союзом, Христианско-демократической организацией Америки, Всемирным союзом христианских демократов.

Исламские партии: Мусульманская лига в Пакистане, Партия независимости в Марокко, Исламский фронт национального спасения в Алжире, все партии в Иране (неисламские партии запрещены).

Каким образом еще можно было бы сочетать интересы государств и религий в мировой политике?

Одним из механизмов, позволяющим учесть и нивелировать религиозный фактор в мировой политике, является использование официальных механизмов ООН.

Россия с 2006 г. стала продвигать на сессиях Генеральной Ассамблеи ООН идею создания в рамках организации Совета религий. Но подробного описания его целей, задач и устройства пока широко предъявлено не было. Как представляется, можно сконструировать несколько возможных механизмов по формированию совета и сформулировать высокие цели и насущные задачи, но способен ли будет этот орган вырабатывать консолидированную позицию? Непонятно, за счет чего он может кардинально в своей работе отличаться от, например, Всемирного совета церквей.

Исторический опыт показывает весьма низкую эффективность религиозных контактов в ситуациях преодоления политических кризисов, а различного рода международные межрелигиозные форумы реально выполняют хотя и важные, но только информационные задачи. И это происходит, в частности, потому, что противоречия не существенные, по мнению атеиста, являются непреодолимыми для иерархов церкви. К сожалению, не всегда эти разногласия лежат в сфере принципиальных тонкостей религиозных доктрин, часто они определяются обыденной жизнью паствы, создающей экономическую основу существования церкви.

При создании Совета религий в рамках ООН нельзя обойти серьезные вопросы и проблемы юридического характера.

Какие религии имеют право претендовать на место в Совете? Какие мировоззренческие системы имеют право на

статус религии? Существует ли уже в наше время религиозная секта или движение, которое является зачатком новой мировой религии, а, значит, к ее позиции следует отнестись наиболее внимательно?

В рамках направления на более активное включение религиозного аспекта мировой политики в деятельность ООН можно было бы изучить также следующий вариант действий. Для содействия в предотвращении, разрешении и ликвидации последствий кризисов, имеющих религиозную составляющую, создать комитет из стран-членов ООН, обладающих развитой многоконфессиональной структурой и положительным опытом предотвращения и преодоления конфликтов на религиозной почве. На место в комитете не смогут в таком случае претендовать государства с неразрешенными конфликтами, к числу которых можно отнести Израиль, Ливан и т.п.

Многоконфессиональными странами можно считать те, в которых есть несколько конфессий, каждая из которых объединяет в своих рядах значительную долю населения.

Из этих стран на несколько лет путем голосования на Генеральной Ассамблее ООН выбирается рабочий президиум.

Россия, как многоконфессиональная страна, на территории которой никогда не было религиозных войн, будет одним из главных претендентов на членство в комитете и его президиуме.

Такой комитет, *во-первых*, мог бы активно подключаться к урегулированию конфликтов, где налицо религиозная составляющая. При этом он, естественно, не был бы конкурентом государств и международных организаций, а выполнял сугубо вспомогательную функцию.

Во-вторых, комитет содействовал бы привлечению к урегулированию непосредственно религиозных организаций.

В-третьих, для современных конфликтов характерно переплетение политического и религиозного факторов.

«Как правило, религиозно-общинная окраска конфликтов образует их общий фон, однако, по существу, мировоззренческие признаки отступают перед столкновением прежде всего социально-политических ин-

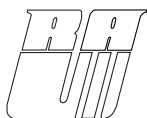
тересов участвующих в конфликтах сторон и связанных с ними зарубежных сил»¹².

Это значит, что религиозная составляющая конфликта является последствием, а не причиной конфликта. А для решения социально-экономических задач необходим опыт, прежде всего, государственных институтов.

Вполне очевидно, что более активное подключение конфессий к деятельности ООН – вопрос неоднозначный, требующий самого внимательного предварительного изучения. При этом в любом случае конфессии могут претендовать лишь на вспомогательные, консультативные функции.

Примечания

- ¹ *Олбрайт М.* Религия и мировая политика. М.: Альпина Бизнес Букс, 2007. С. 305.
- ² *Мчедлов М.П.* Политика и религия. М.: Советская Россия, 1987.
- ³ *Паршин П.Б.* Государство и цивилизация в современных международных отношениях. Аналитическая записка НКСМИ. 2008. Декабрь.
- ⁴ URL:www.kremlin.ru/appears/2008/05/07/1235_type63374type82634type122346_200262.shtml
- ⁵ URL:www.newsru.com/religy/12dec2008/umfrage.html
- ⁶ *Каарияйнен К., Фурман Д.* Религиозность в России в 90-е годы // Старые церкви, новые верующие: Религия в массовом сознании постсоветской России / Под ред. К.Каарияйнена и Д.Фурмана. СПб., М.: Летний сад, 2000. С. 11–16.
- ⁷ Социальная реальность. 2008. № 7(29). С. 60.
- ⁸ *Величко О.И.* О социальной доктрине русской православной церкви // Религия и политика на рубеже двух тысячелетий. Доклады Института Европы. 2000. № 72. С. 30.
- ⁹ Основы социальной концепции Русской Православной Церкви, XVI.4.
- ¹⁰ *Четверикова О.Н.* Религия и политика в современной Европе. 2005. С. 39, 43.
- ¹¹ URL:www.newsru.com/religy/12dec2008/finances.html.
- ¹² *Ковальский Н.А.* Религиозный фактор: проблемы влияния на мировую политику // Религия и политика на рубеже двух тысячелетий. Доклады Института Европы. № 72. С. 15, 16.

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ
BSERVER

<http://www.rau.su>
E-mail:observer@nasled.ru
E-mail:observer@ru.ru